II. РЕЛИГИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Великанов Г.В.

Российское Библейское Общество как явление духовной жизни

Российское Библейское Общество (РБО) - одно из самых заметных явлений в истории русского религиозного просветительства первой четверти XIX века. Созданное благодаря активному содействию государственной власти, Общество развернуло широкую деятельность, движущей силой которой стала одна главная идея - предоставить возможность читать Священное Писание каждому жителю Российской империи на его родном языке, вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Несмотря на относительно недолгое существование - всего тринадцать лет - Российское Библейское Общество составило веху в духовной жизни страны в царствование императора Александра I. Оно остается наиболее крупным религиозно-просветительским обществом в России первой половины XIX столетия.

Работы, посвященные Российскому Библейскому Обществу или косвенно связанные с ним, достаточно многочисленны. Большинство из них были опубликованы до 1917 г., есть и современные исследования. К нашей теме наиболее близко стоит интереснейшая монография А.Н.Пыпина «Религиозные движения при Александре I»[1] , в котором Библейское Общество занимает солидное место. Несмотря на разнообразие подходов к феномену РБО, проявившихся в трудах дореволюционных и новейших авторов, заявленная нами проблема нигде не ставится в качестве цели исследования. Чаще всего она даже не обсуждается. Исключением, помимо книги А.Н. Пыпина, можно назвать капитальный труд прот. Георгия Флоровского «Пути русского богословия», представляющий оригинальную авторскую

---

[1] Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000 (первое издание: Пг.: «Огни», 1916).

концепцию развития русской религиозной мысли с древности до начала XX века. В книге Флоровского РБО является лишь одним из многочисленных сюжетов, о которых знаменитый патролог и блестящий эрудит пишет столь же увлеченно, сколь и субъективно. Рассматривая Библейское Общество в контексте религиозных исканий современников, Флоровский окрашивает повествование о нем своим общим, в большой мере критическим, отношением к «путям русского богословия», часто кривым и уводящим, по мнению автора, от святоотеческой традиции и подлинных источников духовной жизни. Тем не менее, наблюдения и замечания о. Георгия Флоровского, порой брошенные вскользь, оказываются весьма ценными или, во всяком случае, небезынтересными.

В данной работе будет сделана попытка рассмотреть Российское Библейское Общество как самодостаточное явление духовной жизни страны 1-й четверти XIX столетия. Для этого нам потребуется проследить истоки феномена РБО, влиявшие на его создание факторы и вкратце наметить тот след, который оставило Общество в истории русского религиозного просветительства.

Как представляется, у истоков создания Российского Библейского Общества (РБО) стоят четыре основных фактора. Первым из них следует назвать опыты переводов Библии (в том числе на русский язык), уже имевшиеся в России к моменту возникновения Общества. Вторым фактором, оказавшим значительное влияние на идеологию и практическую деятельность Общества, является «библейское движение» в Западной Европе. Третий по значимости фактором, без которого Библейское Общество не могло бы появиться в России, стала внутренняя политика русского правительства первой четверти XIX века в области образования и религиозного просветительства. Наконец, четвертый, наиболее сложный по своему характеру фактор, без которого трудно себе представить Библейское Общество - духовная атмосфера, сложившаяся в образованном слое русского общества к моменту возникновения РБО. Суть ее часто характеризуют как «мистицизм

Александровых времен». Мы, конечно, не ставим перед собой задачу классифицировать все те разнородные явления, которые стоят за этим словосочетанием. Речь идет лишь о том, чтобы выделить значимые для нашей темы составляющие духовной жизни эпохи, и прежде всего - просветительское движение, связанное с именем Н.И.Новикова (1744-1818). Итак, мы постараемся более или менее подробно осветить все названные факторы.

Переводы Библии в России традиционно связаны с миссионерской деятельностью Церкви. Еще в 1383 г. свт. Стефан Пермский составил алфавит зырянского языка и перевел на него богослужебные книги. Царствование Александра I стало временем интенсивного развития миссионерства в России, связанного как раз с деятельностью библейских обществ[2]. Необходимость же в собственно русском тексте Священного Писания возникла в XVII в., когда разговорная лексика жителей страны уже далеко ушла от церковнославянского языка, использовавшегося в богослужении. Реформы Петра I повлекли за собой еще большее расхождение между двумя языковыми родственниками. Вслед за официальным стилем документов петровской эпохи, переполненным европейскими лексическими заимствованиями, начал формироваться литературный язык (творцами которого были В.К.Тредиаковский, М.В.Ломоносов, а впоследствии А.С.Пушкин). По мере удаления от своих древнерусских корней, этот язык лишал его носителей возможности полностью понимать церковнославянские тексты.

Сложившаяся ситуация вызвала несколько попыток приблизить Священное Писание к уровню «среднего» жителя России. Еще в 1683 г. толмач Посольского приказа Авраамий Фирсов перевел с церковно-

---

[2] Имеется в виду Российское Библейское Общество, о котором речь впереди, а также Британское и Иностранное Библейское Общество, получившее в 1817г. разрешение императора Александра на создании миссии среди бурят. Позднее крупнейшее фигурой в истории русского православного миссионерства стал митр. Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов) (1797-1879).

славянского на «обиходный» русский язык Псалтырь, снабдив ее историческими и экзегетическими комментариями. Ориентация переводчика на протестантские издания (в частности, на Лютеровскую Библию) вызвала нарекания; книга была запрещена патриархом Иоакимом и изъята из употребления. Спустя почти два десятилетия приехавший в Россию немецкий пастор Эрнст Глюк впервые осуществил практически полный перевод Библии на русский язык. Рукопись перевода погибла в ходе Северной войны, при осаде Мариенбурга в 1703 г. Вскоре Глюк возобновил свою работу: переехав в Москву, он, с одобрения Петра I, начал вновь переводить Новый Завет, но в 1705 г. умер, так и не успев завершить свой труд. С этого времени вплоть до начала XIX в. дело перевода Священного Писания на русский язык затихает. Известна лишь одна - но зато удавшаяся — попытка сделать что-то в этом направлении. В 1792 г. на торжественном собрании Славяне-греко-латинской академии ее ректор архиеп. Мефодий (Смирнов) (1761-1815) зачитал и прокомментировал свой вариант перевода Послания к Римлянам. Перевод преосвященного Мефодия стал первым опубликованным библейским текстом на русском языке: он выходил в свет в 1794 и 1815гг.

Как видим, две из трех инициатив перевода Библии на русский язык, известных в России к началу XIX в., принадлежали мирянину и протестантскому миссионеру, причем одна из них натолкнулась на сопротивление православного духовенства.[3] И хотя позже мысль о необходимости облегчить Священное Писание для понимания современников высказывалась иерархами «официальной» Церкви[4], на

[3] Интересно, что с полным текстом церковнославянской Библии дело обстояло противоположным образом: он появился в 1499 г. с санкции высшей церковной власти (митр. Геннадия Новгородского). Тогда одним из главных мотивов перевода была необходимость дать в руки Церкви инструмент для борьбы с еретиками.

[4] Так, известный церковный деятель петровской эпохи Феофан Прокопович (1681-1736) считал необходимым изъяснять Священное Писание юношам на русском языке, а святитель Тихон Задонский (1724-1783) намеревался перевести Новый Завет «на нынешний штиль» . - Мень А. Феофан (Елисей Прокопович) //Библиологический словарь. Т.3. М., 2002. С. 311; Флоренский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. (воспроизведено с изд.: Париж, 1937). С. 124.

практике она так и не была осуществлена. Знаменательно также, что из всех опытов перевода Библии на русский язык читателю стал доступным лишь тот, который предпринял православный архиерей. Все это помогает понять и дальнейшие перипетии «русской Библии». Новую инициативу перевода, выдвинутую более чем столетие спустя Российским Библейским Обществом, высшая церковная власть встретит с настороженной сдержанностью; однако изменившиеся условия го су дарственно-церковных отношений и особенно благоволение императора к деятельности Общества не позволит застопорить это начинание.

Для нас наиболее важен тот факт, что необходимость в переводе Священного Писания на русский язык уже давно осознавалась, и попытки решить проблему имели место в России задолго до появления Российского Библейского Общества. Деятельность Общества легла на вполне созревшую почву. Это не позволяет рассматривать РБО исключительно как явление, привнесенное извне, хотя оно возникло под сильным влиянием «библейского движения» в Западной Европе.

Как известно, интерес к широкому распространению и научному изучению Библии возник в лоне протестантизма, одним из основных вероисповедных принципов которого был тезис «зо1а 8спрШга» («только Писание»)[5]. Уже первые вожди Реформации Лютер и Меланхтон в своих толкованиях библейских текстов использовали элементы историко-филологического анализа[6]. Лютеровский перевод Библии положил начало

---

[5] Под этим подразумевается, что христианская вера имеет своим источником только Священное Писание, исключая всю позднейшую богословскую разработку Откровения, осуществленную Церковью. В православии и католичестве эта разработка осмысляется как «священнре Предание».

[6] См., напр.: Мень А. Библиологический словарь. Т.2. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. С. 152; Православная энциклопедия /Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 5. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 26, 27.

немецкой национальной литературе и, будучи приближен к уровню восприятия современников, оказал глубокое влияние на социально-политическую действительность протестантских княжеств Германии 2-й пол. XVI века. В аналогичной ситуации оказалась «Библия короля Якова» в Англии, где образы и реалии Св.Писания использовались в парламентской борьбе, служили основой для формирования идеологий и политических программ[7].

В начале XIX столетия в протестантских странах приобрела популярность идея более широкого использования Св.Писания в миссионерской деятельности; особенное внимание обращалось на распространение Библии среди простонародья. Для этого необходима была какая-то форма координации просветительской и миссионерской работы, и она была найдена - одно за другим стали создаваться библейские общества.

Первое общество такого типа возникло под влиянием пиетизма еще в 1710 г. в немецком городе Галле. А в 1802 г. в Англии, переживавшей евангелическое возрождение, появилось на свет «Британское и Иностранное Библейское Общество» (БПБО), которому суждено было стать одним из самых крупных и разветвленных в мире. Вскоре оно уже имело сеть агентов и филиалы в Европе и Америке[8]. В течение первых десятилетий XIX в. библейские общества были основаны в немецких землях, Дании. Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии, Франции и Соединенных Штатах. Целью обществ объявлялся перевод Св.Писания на разные языки и его распространение, причем особое внимание уделялось беднейшим слоям населения, для которых экземпляры Библии продавались по низким ценам

---

[7] См.: Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. М.: ИВИ РАН, 1998.

[8] Для полноты картины приведем статистику: за сто лет со дня своего основания (1802-1902 гг.) Общество распространило более 165 млн. экземпляров Библии (полный текст или отдельные книги). В нач. XX в. доход БИБО составлял около двух млн. руб.; Общество располагало приблизительно 1100 отделениями в Великобритании и ее колониях и 200-ми - в других государствах (Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Новый энциклопедический словарь. Т.6. С. 415).

или раздавались бесплатно. Придерживаясь принципа равного уважения ко всем исповеданиям, библейские общества отказались от любых комментариев к тексту Св. Писания. Это должно было исключить межконфессиональные столкновения и давление на религиозную совесть верующих. Характерными чертами обществ были также активная роль мирян в их деятельности и стремление установить партнерские отношения со всеми протестантскими деноминациями[9]

В 1810 г. Британское и Иностранное Библейское Общество (БИБО) приобрело агентов в Эстляндии и Финляндии, а спустя два года в Петербург прибыл эмиссар Общества пастор Джон Патерсон. Помимо текущих практических задач (издание Библии на финском языке) его цель состояла в том, чтобы так или иначе инициировать создание в России объединения, аналогичного западноевропейским библейским обществам. В специальном «Обращении», распространенном в российской столице, Патерсон уведомлял общественность о целях и характере Британского Библейского Общества.

К этому времени в высших петербургских кругах начала складываться обстановка, как нельзя более благоприятная для развития в стране религиозного просветительства. Деятельностью Патерсона заинтересовался А.Н.Голицын (1773-1844) блестящий сановник, личный друг императора Александра, занимавший в то время пост главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий и одновременно обер-прокурора Св. Синода. В прошлом «типичный вольнодумец екатерининской эпохи»[10], А.Н.Голицын постепенно проникся религиозными интересами и впоследствии стал одним из

---

[9] Все это проясняет реакцию Католической Церкви на «библейской движение»: в 1820 г. в булле папы Пия VII библейские общества объявлялись «ненавистнейшим изобретением, которое нужно истреблять». Католикам возбранялось иметь какое-либо отношение к деятельности обществ, а создававшиеся под их эгидой переводы Св. Писания были запрещены.

[10] Заозерский А. Голицын //Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Новый энциклопедический словарь. Т. 13. С.916.

виднейших представителей мистицизма, распространенного во второй половине Александровского царствования. Встреча Патерсона с А.Н.Голицыным произошла как раз в тот момент, когда последний, пересматривая свои взгляды, обратился к духовным поискам[11]. В то же время он быстро набирал политический вес при дворе.[12] Голицын с энтузиазмом воспринял идею создания в России библейского общества, и английский пастор с легкостью получил аудиенцию у государя. Александр I одобрил проект открытия в Петербурге филиала Британского Библейского Общества для распространения Библии среди неправославных российских подданных; кроме того, монарх высказал мысль о переводе Священного Писания на русский язык.

6 декабря 1812 г. император подписал указ о создании Санкт-Петербургского Библейского Общества, а 11 января следующего года в доме А.Н. Голицына на Фонтанке собралось его первое заседание. На нем присутствовали известные церковные деятели: митр. Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов) (1742-1818), много сделавший для развития духовного образования ' и церковно-приходских школ; ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандрит Филарет (Дроздов) (1782-1867), в то время начинающий, но блестящий проповедник и ученый-экзегет, а позднее знаменитый московский митрополит; архиеп. Минский Серафим (Глаголевский) (1757-1843) впоследствии, по иронии судьбы, ставший ярым противником Библейского Общества и добившийся его закрытия; митрополит римско-католических церквей в России Станислав Сестренцевич-Богуш (1731-1826), разностороннее образованный ученый, в свое время назначенный фактическим главой

[11] " В некоторых работах, затрагивающих тематику Библейского Общества, личность А.Н.Голицына оценивается крайне негативно; распространена точка зрения, согласно которой вся религиозно-просветительская деятельность министра духовных дел являлась лишь фасадом, за которым скрывались чисто политические цели. Автор не разделяет эту позицию и полагает, что религиозное обращение Голицына представляло собой подлинный мировоззренческий переворот. В своей оценке деятельности Голицына мы предпочитаем следовать за достойными доверия свидетелями, такими, как митр. Московский Филарет (Дроздов) и архиеп. Херсонский Иннокентий (Борисов), отзывы которых о Библейском Обществе и его президенте приведены в конце статьи.

[12] Через пять лет А.Н.Голицын возглавил знаменитое «двойное министерство» - духовных дел и народного просвещения, получив таким образом возможность заправлять государственной политикой в обрасти религиозного образования и просветительства.

российских католиков по личному выбору Екатерины II, из-за политики которой он был, втянут во вражду с римской курией[13]. Собрание посетил и царский духовник протопресвитер Криницкий. Из светских лиц присутствовали видные государственные деятели - член «Негласного комитета» и Государственного совета граф В.П.Кочубей (1768-1834), министр народного просвещения А.К.Разумовский (1748-1822)[14], министр внутренних дел О.П.Козодавлев[15] (1754-1819), граф К.А.Ливен (1767-1844)[16] , попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, а при Николае I министр народного просвещения и автор знаменитой «триады» С.С.Уваров (1786-1855). Кроме того, собрание посетили эмиссары БИБО Патерсон и Пинкертон[17]. Все они вошли в состав новообразованного общества; президентом его стал А.Н.Голицын,

---

[13] Для Екатерины II, стремившейся проводить независимую от Римского Престола политику в отношении российских католиков, фигура Сестренцевича-Богуша казалась идеально подходящей; однако благоволение императрицы к ордену иезуитов, запрещенному папой Климентом XIV, поставила его в трудное положение, вынудив поступать против воли своего церковного начальства и собственных убеждений. При Павле I влиятельный иерарх был отправлен в дальнюю ссылку, в царствование Александра I возвращен в Петербург, но с запретом вмешиваться в деятельность католических орденов. Новый император старался выхлопотать для С.-Богуша высокий чин в римской курии (звание примаса с титулом «1е§аШ5 паШз»); в этом ему было отказано, причем одним из аргументов Рима стал факт участия главы российских католиков в работе Библейского Общества (См.: Храневич К. С.-Богуш //Русский биографический словарь. Т. 18. СПб., 1904. С. 388-392).

[14] А.К.Разумовский, между прочим, ввел обязательное преподавание во всех учебных заведениях Закона Божия, *«яко заключающего в себе главную и существенную цель образования»* (Русский биографический словарь. 7.15. СПб., 1910. С. 436-443).

[15] Впоследствии сменил А.Н.Голицына на посту главноуправляющего духовных дел иностранных исповеданий. Был сторонником освобождения крестьян от крепостной зависимости, активно проводил в жизнь указ о вольных хлебопашцах 1803 г. Известен также своими литературными опытами (Русский биографический словарь. Т.9. СПб., 1903. С.55-60).

[16] При Николае I - министр народного просвещения (1828-33 гг.). После закрытия Российского Библейского Общества по инициативе К.А.Ливена было создано Евангелическое Библейское Общество, продолжившее издание Библий для русских протестантов.

[17] Оба они включились в деятельность российского общества. Д. Патерсон внес 500 фнт. ст. пожертвованных Британским Обществом, на покрытие расходов; занимался изготовлением и рассылкой типографских материалов, причем до 1822 г. его работу финансировало БИБО.

секретарями В.М.Попов[18] и А.И.Тургенев[19] ; были избраны также шесть вице-президентов и десять директоров.

Государственная власть активно способствовала деятельности Санкт-Петербургского Библейского Общества. Император Александр I стал его почетным членом и сделал крупный взнос - 25 тыс. руб. единовременно, с обязательством выплачивать 10 тыс. ежегодно. Позднее в состав общества вошли великие князья Николай (будущий император) и Михаил Павловичи, а также М.М.Сперанский, М.А.Милорадович и секретарь (затем вице-президент) Академии Художеств А.Ф.Лабзин[20]. Через газеты была организована публичная подписка в пользу Общества, так что в 1813 г. оно смогло собрать более 160-ти тыс. рублей; библейский комитет обратился к губернаторам, иерархам Православной Российской Церкви и лицам, занимавшим высокие государственные посты, с приглашением содействовать трудам Общества. В течение первого года своего существования Санкт-Петербургское Библейское Общество открыло шесть отделений.

Атмосферу, сложившуюся в связи с этим вокруг библейского дела в России, красноречиво (хотя и с немалой долей скептицизма) описывает

---

[18] В.М.Попов (1771-1842), один из ярких представителей «мистицизма Александровых времен» (наряду с А.Н.Голицыным и А.Ф.Лабзиным) . В 1811-17 гг. служил в министерстве юстиции, с 1817 г. – в департаменте народного просвещения. Вместе с А.Ф.Лабзиным, архим.Филаретом (Дроздовым), архиепископами Михаилом (Десницким) и Серафимом (Глаголевским) редактировал перевод Нового Завета, осуществленный Петербургской Духовной Академией. В 1824 г. по наветам противников А.Н.Голицына и Библейского Общества В.М.Попов едва избежал судебного разбирательства (его дело рассматривалось в Сенате и Государственном совете). Был одним из самых ярых приверженцев известной секты - «духовного союза» Е.Ф.Татариновой; своими более чем экстравагантными выходками (насилием принуждал свою дочь участвовать в сектантских «радениях») спровоцировал разгром этого мистического кружка и суд над его участниками. Кончил жизнь в монастырском заточении в Казанской губернии. Современники отзывались о В.М.Попове как о человеке недалеком, но фанатичном и экзальтированном.

[19] А.И.Тургенев (1785-1846), сын одного из просвещеннейших людей екатерининской эпохи, сотрудника Н.И.Новикова- И.П.Тургенева (?). В 1810-1824 гг. занимал должность директора департамента главного управления духовных дел иностранных исповеданий, получил отставку в связи с падением А.Н.Голицына.

[20] [2]Вел. князья стали членами Общества в 1814 г., тогда же в директоры был избран А.Ф.Лабзин; М.М.Сперанский и М.А.Милорадович участвовали в деятельности РБО с 1821г.

прот. Георгий Флоровский: «Успех [Библейского Общества] создавался... административным внушением или приказом, «благовестив» слишком часто передавалось точно по команде. «Во всех обнаружилась ревность к Слову Божию и стремление просвещать сидящих в сени смертной. Губернаторы начали говорить речи, совершенно похожие на проповеди; городничие и градские головы, капитан-исправник с успехом распространяли Священное Писание и доносили о том... начальству в благочестивых письмах...»[21] . Оставляя в стороне отрицательные явления, связанные с подобной государственной опекой[22], нельзя не признать, что именно она позволила Санкт-Петербургскому Библейскому Обществу предпринять ряд важных и широкомасштабных инициатив.

Деятельность Общества началась, как и было предусмотрено в его программных документах, с издания Библии на иностранных языках для неправославных жителей империи. Если издание Св.Писания на том или ином языке не требовало большого количества экземпляров, то последние покупались заграницей и перепродавались в России по более низкой цене, чем та, которую уплачивало Общество за покупку. При этом специально оговаривалось, что каждое христианское исповедание должно иметь возможность получить Священное Писание в том издании, которое оно

---

[21] Флоровский Г. Указ. соч. С. 148.

[22] «Во всем этом было много... казенной шумихи, - пишет о.Георгий Флоровский, - вырабатывалось особое ведомственно-библейское лицемерие, достаточно слащавое и неприятное» (там же). Надо сказать, что оценка, данная Флоровским Библейскому Обществу, страдает некоторой противоречивостью. С одной стороны, ученый категорично заявляет, что РБО «вовсе не было общественным начинанием, и держалось совсем не общественным сочувствием или вниманием», а исключительно усилиями правительства (указ. соч., с. 148); с другой стороны, русский перевод Библии, выпущенный Обществом, именно «привлек к себе внимание и сочувствие» широкой публики (там Же, с. 156). Как признает сам же Флоровский, «созидательные последствия библейской работы... очевидны и достоверны» (там же, с.148); в частности, «издание русской Библии отвечало несомненной потребности» россиян в «слышании Слова Божия» (с. 156) и вызвало много восторженных откликов в печати. Думается, необходимость просветительской работы Общества и неподдельный (хотя, быть может, чересчур выспренный) энтузиазм многих его участников не позволяет характеризовать создание РБО как результат одного лишь административного давления. Впрочем, об этом речь пойдет ниже.

предпочитает или признает каноническим. Это вполне соответствовало духу уважения ко всем деноминациям, свойственному библейским обществам в Европе. Имелась у Петербургского Общества и миссионерская цель - распространение Библии среди «малых народов» Российской империи, исповедующих буддизм, ислам и различные виды язычества.

В 1813 г. Библейское Общество издало Библию на немецком и финском, затем Новый Завет на калмыцком и армянском языках (причем для последнего пришлось изобрести особый шрифт, т.к. ранее печатных книг на армянском языке не существовало), позже на польском и французском. Что же касается издания Библии на славянском или, тем более, перевода ее на русский язык, то эта цель в программных документах Общества не заявлялась. Еще в докладе на имя императора Александра с предложением учредить в Петербурге Библейское общество А.Н.Голицын подчеркивал, что «издание книг Св.Писания на славянском языке для исповедующих греко-российскую веру» не входит в задачи Общества, так как принадлежит «в особенности и исключительно (разрядка наша - Г.В.) ведомству Св.Синода»[23]. Была ли эта оговорка проявлением осторожности со стороны президента Общества, не желавшего, несмотря на благосклонное сочувствие самого Александра I, преждевременно обнаруживать те далеко идущие планы, которыесразу вызвали бы недовольство консерваторов? Или же А.Н.Голицын надеялся подвигнуть саму Церковь взять на себя издание славянской и русской Библии? Для ответа на эти вопросы обратимся к дальнейшим событиям.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что Санкт-Петербургское Библейское Общество и не могло взять на себя задачу распространять Священное Писание среди православных верующих: оно было создано по сути как филиал Британского и Иностранного Библейского Общества (БИБО) и, следовательно, его деятельность могла распространяться только на представителей других христианских конфессий страны. Однако уже менее

[23] Чистович И.А. Указ. соч. С. 17.

чем через год после своего возникновения, 4 сентября 1814 г., указом Александра I Санкт-Петербургское Библейское Общество было переименовано в «Российское Библейское Общество». Это фактически означало перемену статуса: из номинального филиала БИБО, «обслуживающего» инославных подданных империи, оно преобразовывалось в самостоятельное объединение общероссийского значения. Таким образом, в сферу его деятельности включались теперь и православные верующие.

Только после этого Библейское Общество могло поставить вопрос об издании и распространении Священного Писания для конфессионального большинства населения России. В начале речь шла о церковно-славянской Библии. По договоренности с Синодом, решено было напечатать 5 тыс. книг Ветхого и 5 тыс. Нового Завета. Эти экземпляры Библейское Общество покупало у Св.Синода, после чего перепродавало за бесценок, а для неимущих раздавало бесплатно. Общее количество экземпляров Библии, выпущенных Российским Библейским Обществом в 1814 г., составило 60 тыс. 200 (полной Библии 22500, Нового Завета 37700). Как видим, цифры очень внушительные: серьезным книжным тиражом считалась в то время уже тысяча экземпляров, а произведения Пушкина, которыми зачитывалась публика в 1820-х гг., выходили трехтысячными тиражами... В 1816 г. РБО выпустило собственное издание Библии на церковнославянском языке[24] . Теперь перед Библейским Обществом открывался прямой путь к заветной цели, которую лелеяли его инициаторы и вдохновители (прежде всего, конечно, А.Н.Голицын) - к переводу Св.Писания на русский язык. И действительно, уже вскоре РБО открыто заявило об этой новой стоящей перед ним задаче.

Подобная инициатива нуждалась в защите и обосновании. Далеко не все разделяли ведущие установки Общества, его «либеральный» и, как сказали бы сегодня, экуменический дух. Сама идея перевода Библии с высокого,

---

[24] Это было 23-е по счету издание славянской Библии в России; оно было осуществлено в московской синодальной типографии на иждивении московского комитета РБО.

сакрального, богослужебного языка на «низкий», профанный, обыденный, должна была вызвать неприятие у многих традиционалистов. Предвидя эти трудности, президент Общества А.Н.Голицын добивался, чтобы санкцию на создание русского перевода Св.Писания дала Православная Церковь, как представительница религиозных интересов большинства населения империи. Ясно, что если бы ответственный труд перевода Писания на русский язык велся с одобрения и под покровительством первенствующей конфессии страны, Российское Библейское Общество было бы надежно защищено от критики противников «русской Библии» и личных недоброжелателей А.Н.Голицына. В этом случае работа по русскому переводу Библии была бы представлена как совместная инициатива государства, Церкви и Библейского Общества - подобно тому, как это фактически получилось с изданием славянской Библии.

28 февраля 1816г. А.Н.Голицын, в качестве обер-прокурора Св.Синода, предложил на его рассмотрение вопрос о русском переводе Библии. Президент РБО подчеркивал, что инициатива, предпринятая Обществом, является прямым исполнением желания императора Александра «доставить... россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия, на коем книги Священного Писания у нас издаются»[25]. По словам А.Н.Голицына, государь «не токмо одобряет все споспешествующее сему спасительному делу, но и одушевляет деятельность Общества внушениями собственного сердца. Он сам снимает печать невразумительного наречия, заграждавшую доныне от многих из россиян Евангелие Иисусово, и открывает сию книгу для самых младенцев народа, от которых не ея назначение, но единственно мрак времен закрыл оную»[26]. По правде говоря, о личной заинтересованности

[25] Чистович И.А. Указ. соч. С. 25.

[26] Цит. по: Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 56.

Александра I в появлении Св.Писания на «природном русском наречии» судить трудно[27] . Скорее всего, монарх в данном случае находился под сильным влиянием своего министра[28]. Но, во всяком случае, А.Н.Голицын сделал все возможное, чтобы обеспечить Библейскому Обществу полное «алиби».

Тем не менее, его усилия не увенчались успехом. Синод не решился официально одобрить перевод Библии на современный русский язык - и это несмотря на то, что с 1814г., когда Библейское Общество приобрело общероссийский статус, в его состав вошли несколько синодальных иерархов[29]. В итоге работа по переводу была поставлена следующим образом. На Комиссию духовных училищ возлагалась задача отобрать в Петербургской Духовной Академии способных переводчиков[30], работа которых должна была, затем поступать на рассмотрение членов Библейского Общества из духовенства. Если представленные варианты переводов оказываются удовлетворительными, то они должны издаваться самим Библейским Обществом (без участия Церкви), вместе с церковнославянским текстом (церковнославяно-русские билингвы).

---

[27] Сам он читал Библию в популярном тогда французском переводе Ле Метр де Саси, не изменив этой привычки и после издания русских текстов Писания Библейским Обществом.

[28] По этому поводу существует любопытная полемика анонимного автора статьи «Библейские общества в России» в «Православной богословской энциклопедии» Лопухина с авторами одноименной статьи в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза-Ефрона. По мнению первого, инициатива русского перевода Библии принадлежит не основателям РБО, а лично Александру Т, что подтверждается участием императора в издании (выбирал формат издания и читал окончательный вариант предисловия к славяно-русской билингве Нового Завета), [см.: ПБЭ. Т.2. С. 579]. Этот взгляд соответствует «верноподданнической» концепции автора, который постоянно подчеркивает положительную роль личных взглядов Александра I в истории создания и деятельности РБО.

[29] В 1814г. в состав Российского Библейского Общества впервые вошло православное духовенство. Члены Св.Синода митрополиты Киевский Серапион (Александровский) и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов), архиепископы Серафим (Глаголевский) и Досифей (Пицхелаури), а также архиеп. Иов (Потемкин) и Михаил (Десницкий) стали вице-президентами. В ректоры были избраны архим. Филарет (Дроздов) и придворный пресвитер Н.В.Музовский.

[30] Сама Комиссия возложила эту задачу на архим. Филарета (Дроздова), целиком доверившись его выбору.

В соответствии с этими требованиями был сформирован особый комитет для рассмотрения русских переводов библейских текстов. В него вошли митр. Михаил (Десницкий), Серафим (Глаголевский), архим. Филарет (Дроздов), А.Ф.Лабзин и В.М.Попов. Забегая вперед, скажем, что в дальнейшем пути этих столь разных людей разойдутся. Митр. Михаил, встревоженный самоуправством А.Н.Голицына в церковных делах и общим восторженно-мистическим направлением, которое тот придавал деятельности Российского Библейского Общества, напишет Александру I отчаянное письмо и вскоре уйдет из жизни. Серафим, став первенствующим иерархом Православной Церкви и сменив А.Н.Голицына на посту президента Библейского Общества, добьется его ликвидации. А.Ф.Лабзин и В.М.Попов прославятся как мистики и окончат жизнь в ссылке. Лишь один Филарет, убежденный сторонник библейского дела, переживет зиму «николаевского тридцатилетия», станет яркой звездой на небосклоне Русской Церкви, воскресит идею русского перевода Священного Писания и подготовит почву для того, чтобы он был полностью осуществлен...

В 1818 г. Российское Библейское Общество выпустило славяно-русскую билингву Четвероевангелия. Все переводчики, готовившие это издание, принадлежали к просвещенному академическому духовенству: замечательный ученый-гебраист прот. Герасим Павский[31] (Евангелие от

---

31 Герасим Петрович Павский (1787-1863), выдающийся филолог и экзегет, непревзойденный знаток древнееврейского языка (издал первую в России грамматику), основоположник русской библейско-исторической школы. В РБО состоял директором и ответственным редактором. Лично перевел Евангелие от Матфея и редактировал перевод Пятикнижия, уничтоженный в 1825 г. в связи с ликвидацией Общества. В 1826-35 гг. - законоучитель наследника престола (будущего императора Александра И), отставлен от должности по настоянию митр. Филарета (Дроздова), который считал, что богословские и экзегетические взгляды Павского сближаются с протестантизмом (в связи с этим существует известная запись в дневнике Пушкина, где поэт характеризует Павского как «умного и доброго священника»). После закрытия РБО Павский в течение многих лет переводил книги Ветхого Завета, зачитывая свои переводы студентам. Они были отлитографированы и распространялись в Петербургской Духовной Академии, что стало предметом судебного разбирательства в 1841 г. Следствие шло с участием обер-прокурора св.Синода Н.А.Протасова под личным контролем Николая I. Переводчика обвинили в отступлении от православного понимания библейских текстов; комиссию, проводившую дознания, возглавлял митр. Филарет. В результате прот. Павский вынужден был отказаться от своих эгзегетических взглядов. Дело Павского вызвало резонанс в

Матфея), ректоры Санкт-Петербургской Духовной Академии и Киевской семинарии соответственно архим. Поликарп (Гайтанников) и архим. Моисей (Антипов-Платонов) (Евангелия от Марка и Луки) и, наконец, архим. Филарет (Дроздов) (Евангелие от Иоанна). Спустя год (в марте 1819 г.) появилось третье издание Четвероевангелия, с прибавлением Деяний Апостолов; с этим вариантом предварительно ознакомился Александр I. Вскоре началась работа по переводу Ветхого Завета, и в 1822 г, был издан русский текст Псалтыри.

Перевод Св.Писания на русский язык явился, бесспорно, делом первостепенной важности для религиозного просвещения в России. Естественно, что основными его читателями были православные верующие, как составляющие большинство населения империи. Поэтому, возлагая всю ответственность за результаты переводческой работы на Библейское Общество, Православная Российская Церковь фактически упускала шанс взять в свои руки инициативу, которая непосредственно касалась ее собственной паствы. Сложилась несколько парадоксальная ситуация. С одной стороны, Церковь формально устранилась от участия в деятельности Российского Библейского Общества. С другой стороны, в качестве частных лиц, его членами были высокопоставленные и влиятельные иерархи (в том числе первенствующие члены Св.Синода).

Осторожность и консерватизм Православной Церкви в столь деликатном вопросе, как создание русскоязычной версии Св.Писания, вполне понятны. Как мы помним, на сто тридцать с лишним лет раньше, когда Авраамий Фирсов предпринял первую в своем роде попытку русифицировать библейский текст, эти характерные черты священноначалия проявились в полной мере - а ведь церковнославянский и «обиходный» языки разошлись тогда еще далеко не так радикально, как в первой четверти XIX века! Должно быть, в эпоху формирования классической

обществе. После смерти Николая I обвинения с него были сняты, ив 1861 г., еще при жизни ученого, увидел свет его перевод 3-ей и 4-й Книги Царств.

русской литературы[32] чтение Библии на разговорном языке казалось делом еще более немыслимым, чем на столетие раньше. И впоследствии авторы «синодального» перевода Библии 1875 г. (время Тургенева, Достоевского, Толстого!), шедшие по стопам переводчиков Российского Библейского Общества, ориентировались в своей работе даже не на пушкинский, а скорее на державинский язык...[33]

Что же касается участия видных православных иерархов в деятельности Российского Библейского Общества, то оно объясняется, конечно, той широкомасштабной поддержкой, которой пользовалось Общество со стороны государственной власти. В 1817 г. Библейскому Обществу были оказаны знаки высочайшего внимания. В ответ на всеподданнейший доклад А.Н.Голицына о деятельности и успехах РБО, где отмечалась возрастающая среди россиян нужда в чтении Св.Писания и большой спрос на книги, издаваемые Обществом, Александр I изъявил желание, чтобы тиражи выпускаемых книг Библии были увеличены. «Государь император не оставит, с своей стороны, оказать всякое вспомоществование Библейскому Обществу в благотворных для человечества и истинно христианских подвигах его, на кои Его Величество взирает с особенным благоволением»[34] - писал президент РБО.

Начался период наивысшего карьерного взлета А.Н.Голицына. В том же 1817 году император, освободив своего фаворита от должности обер-прокурора Св.Синода, поставил его во главе новообразованного

---

[32] Для сравнения: в 1818-20 гг., когда Библейское Общество интенсивно работает над русским переводом Нового Завета, Пушкин создает поэму «Руслан и Людмила»... К слову, исследователи находят в творчестве поэта явные следы знакомства с русским вариантом Нового Завета, изданным от РБО. См.: Юрьева П.Ю. Пушкин и христианство: сборник произведений А.С.Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием. М., 1999. С. 10.

[33] См.: Евсеев И.Е. Столетняя годовщина русского перевода Библии (1816-1916). Пг., 1916. С. 39,40.

[34] Чистович И.А. Указ, соч. С. 21.

министерства духовных дел и народного просвещения[35]. Таким образом, А.Н.Голицын получил возможность управлять религиозной политикой в стране. «Школьное дело было поставлено в тесную зависимость от религиозных... переживаний главы министерства, и благочестие было признано основанием истинного просвещения» — замечает автор статьи о Голицыне в Энциклопедическом словаре[36].

Здесь мы видим характернейшую черту того сравнительно недолгого промежутка времени, в котором разворачивалась деятельность Российского Библейского Общества -второй половины царствования Александра I. Черта эта -- тесная связь внутренней политики власти с религиозными воззрениями императора и его окружения, что особенно видно на примере Библейского Общества.

В самом деле, трудно указать какое-либо иное религиозно-просветительское общество в России XIX столетия, деятельность которого была бы столь ярко окрашена личными духовными исканиями его основателей и участников. Уже сама патетическая приподнятость тона, множество библейских цитат и аллюзий, которыми пронизаны ежегодные отчеты Библейского Общества, передают тот религиозный подъем, каким сопровождались труды наиболее деятельных и убежденных представителей Общества. Один из таких отчетов открывается подробным описанием генерального собрания Общества в Таврическом дворце в Петербурге. Все участники и приглашенные, по словам составителей сборника, «с радостным желанием стеклись внять успехам, с каковыми Слово Божие продолжает приходить в употребление в любезном отечестве нашем»[37]. Следуют трогательные сцены единения христиан разных конфессий, вместе поющих

---

[35] Это знаменитое мероприятие Александра I - сосредоточение в одном ведомстве религиозной и образовательной политики - расценивалось советскими историками как «реакционный» акт. В действительности, оно отразило возраставшую во второй половине Александровского царствования религиозном истическую составляющую.

[36] Заозерский А. Голицын //Новый Энциклопедический словарь. Т.13. С. 916.

[37] Девятый отчет Комитета Российского Библейского Общества. За 1821 г. СПб., 1822. С.3.

псалмы и славящих Бога за обильные благословения, ниспосланные Им Библейскому Обществу.

Ярко выраженный экуменический дух, царивший в Российском Библейском Обществе, в значительной мере являлся плодом религиозных воззрений его президента (а с 1817 г. еще и «двойного министра») А.Н.Голицына. «Евангелие с божественной заповедью любви ко всем людям сделалось его постоянным спутником и руководителем, -говорит о нем один из современников. - Разности, разделяющие между собой различные

исповедания, имели в его глазах только второстепенное значение»[38]. И действительно, в отчете Общества за 1818 г. читаем следующий характерный пассаж: «Небесный союз веры и любви, учрежденный посредством библейских обществ в великом христианском семействе, открывает прекрасную зарю брачного дня христиан и то время, когда будет един Пастырь и едино стадо, то есть когда будет одна божественная христианскаярелигия во всех... христианских исповеданиях»[39]. К слову, среди всех библейских обществ 1-й четверти XIX века российское являлось, вероятно, самым «интерконфессиональным» по своему составу: в его работе принимали участие представители Православной Российской Церкви, Армянской Апостольской Церкви, различных протестантских деноминаций, Униатской и даже Католической Церквей (что было совершенно невозможно в западноевропейских странах из-за резко негативной оценки деятельности обществ Римским Престолом).

В представлениях А.Н.Голицына и его единомышленников библейские общества являлись закваской будущего объединения расколотого христианского мира. Разумеется, далеко не все разделяли подобные воззрения. Очень скоро стало ясно, что среди самих членов РБО, особенно

---

[38] Бычков А.М. Книга книг (Из истории переводов Священного Писания в России) // Мир Библии. Иллюстрированное периодическое издание Российского Библейского Общества. М., 1993. №1 [1]. С. 75.

[39] Отчет РБО за 1818 год. Цит. по: Чистович И.А. Указ. соч. С. 53.

из духовенства, имеются противники религиозной политики, проводимой его президентом. Участники первого заседания РБО вспоминали, что уже тогда митр. Серафим (Глаголевский) «своим молчанием и угрюмым видом... показал несочувствие делу», а, выслушав отчет о деятельности Общества, заметил: «Так могут рассуждать только люди, не понимающие православия»[40]. А ведь этот видный иерарх активно участвовал в переводческой работе Общества, фактически цензурируя русские переводы Евангелия! Люди традиционных взглядов усматривали в «библейском интерконфессионализме» зачаток некой «пан-христианской» религии, которая, по их мнению, замышлялась власть предержащими: «Библейские общества не заменяют ли уже некоторым образом видимую церковь? Трудно ли уразуметь, что смешение в их собраниях всех вероисповеданий христианских есть только образец той всеобщей религии, которую они затевают?»[41]. Фанатичный враг библейского дела архимандрит Фотий (Спасский) выражался еще проще: «Готовили враги какую-то библейскую религию ввести, смесь вер сделать и православную веру... утеснить»[42].

Кроме конфессиональной «неразборчивости», в РБО консерваторов раздражала активная роль в мирян, унаследованная от западно-европейских библейских обществ с их протестантскими традициями. Подобная активность, казалось, свидетельствовала о том, что многие члены Общества, не являющиеся носителями священного сана или даже не принадлежащие к Православной Церкви, пытаются оттеснить духовенство и взять на себя его пастырские и учительные задачи. «Не смешны ли в библейских обществах наши митрополиты и архиереи, заседающие, в противность апостольских постановлений, вместе с лютеранами, католиками, калъвинами, квакерами, словом, со всеми иноверцами? - восклицал позже известный

---

[40] Здравомыслов К. Серафим (Глаголевский) // Русский биографический словарь. Т. 18 (Сабанеев-Смыслов).СПб., 1904. С. 344-346.

[41] Флоровский Г. Указ. соч. С. 152.

[42] Там же, С. 153.

противник РБО адмирал А.С.Шишков, - Они, с седою главою, в своих рясах и клобуках, сидят с мирянами всех наций, и им человек во фраке проповедует Слово Божие»[43].

Таким образом, внутри Российского Библейского Общества с самого начала обнаружились противоборствующие тенденции, и это вполне объяснимо. Общество, на редкость «пестрое» по своему составу, не могло отличаться идеологическим единством. В нем объединились представители совершенно разных убеждений: именитые православные иерархи, по большей части умеренно-консервативных взглядов; религиозно чуткие, ищущие люди, не находившие удовлетворения своих духовных запросов в официальной Церкви и потому искавшие его в «мистицизме Александровых времен»; наконец, государственные сановники, вошедшие в состав РБО, следуя курсу внутренней политики власти... При таком разнообразии лиц следует удивляться скорее успеху и плодотворности работы Общества, в течение долгого времени преодолевавшего взаимные разногласия своих членов. Вероятно, представители столь разных мировоззрений и идеологий никогда бы не соединились в одном общественном начинании, если бы не государственный интерес, и прежде всего личное покровительство императора Александра I библейскому делу в России. Широкий размах религиозно-просветительской деятельности РБО[44] обеспечивался заинтересованностью в ней «высших эшелонов власти».

Но, конечно, сам дух Общества создавался не высочайшим покровительством, а инициаторами и подлинными вдохновителями его деятельности. Ими были прежде всего единомышленники А.Н.Голицына - люди особого религиозно-психологического склада, такие как Алексей Федорович

---

[43] Чистович И.А. Указ. соч. С. 52.

[44] Кроме переводов Библии на разные языки, РБО издавало брошюры религиозно-нравственного содержания: «Бодрствующий христианин», «Ныне день спасения», «Благодать и ее возрастающее действие» и другие. Тесно связана с Библейским Обществом религиозно-просветительская деятельность С.С.Мещерской и А.Ф.Лабзина, о котором речь ниже. См.: Бычков А.М. Указ. соч. С.76.; Рашковский Е.Б. Россия и динамика библейского слова: XVIII - XX века//Мир Библии. М., 1995. №1 [3]. С. 54.

Лабзин (1766-1825) - видный деятель РБО и один из самых заметных представителей «мистицизма Александровых времен». Воспитанник «Дружеского общества» Н.И.Новикова и И.Е.Шварца, А.Ф.Лабзин еще в юности дал торжественный обет служения Богу на всю жизнь и вступил в общество мартинистов. С тех пор он был, проникнут высоким сознанием своей миссии - служить «поднятию упавшей религии»[45]. Вице-президент Императорской Академии Художеств, Лабзин отдавал все силы души на религиозное просвещение общества. Он основал собственную масонскую ложу, переводил западно-европейские мистические трактаты, а с 1806 по 1818 гг. издавал в Петербурге мистический журнал «Сионский вестник»[46], оказавший заметное влияние на интеллектуальную и духовную жизнь образованной столичной публики первой четверти XIX столетия. Целями журнала объявлялось распространение в обществе истинных знаний о религии, толкование Священного Писания и богословская разработка вопросов христианского вероучения.

Несмотря на популярность «Сионского вестника» среди широкой публики и образованного столичного духовенства, журнал вызывал острую критику консерваторов и в конце концов был закрыт[47]. Крах любимого дела сильно сказался на психологическом состоянии просветителя. В 1822 г. он был выслан из Петербурга[48] и через три года окончил свою жизнь в Симбирске. Эти события совпали с опалой А.Н.Голицына и репрессиями над

---

[45] Модзалевский Б.М. Лабзин//Русский биографический словарь.ТЛО. [Лабзина-Лященко]. СПб., 1914. С.3.

[46] В издании журнала был длительный перерыв, вызванный недовольством консервативного духовенства и запретом власть предержащих. Всего с 1806 по 1818 гг. вышло девять номеров «Сионского вестника» (25 сборников).

[47] По повелению императора Александра А.Н.Голицын объявил о введении духовной цензуры на «Сионский вестник», что было равносильно ликвидации журнала как очага независимой религиозной мысли его издателя. В ответ на это А.Ф.Лабзин прекратил издание.

[48] Поводом для репрессий стала язвительная реплика Лабзина по адресу В.П.Кочубея. В ответ на предложение избрать графа в почетные члены Академии Художеств по причине его «особой близости» к императору, Лабзин предложил оказать ту же честь царскому кучеру, так как он «не только близок к государю, но сидит перед ним». - Герцен.А.И. Былое и думы. Части 1-3. М., 1958. С. 71. (Герцен ошибочно связал этот эпизод с именем А.А.Аракчеева - Г.В.).

Библейским Обществом[49], приведшими к его окончательной ликвидации в апреле 1826 г.

Поведение власти в отношении А.Н.Голицына, Лабзина и близкого к ним круга людей вполне объяснимо. Александр I, сочувствовавший библейскому делу и не отдаливший от себя Голицына даже после отставки последнего, тем не менее, не мог сопротивляться усиливавшемуся давлению на него консервативного крыла духовенства и светских лиц. Он уступил адмиралу Шишкову и архимандриту Фотию в 1822 г., также как уступал нажиму со стороны недоброжелателей Лабзина в 1806 и 1818 гг. Интересно другое. Каким образом Лабзин - по словам историка Б.М.Модзалевского, «человек глубоко религиозный и истинно православный, приверженный к Церкви»[50], оказался, втянут в борьбу клерикальной партии с Библейским Обществом, и стал объектом нападок и обвинений в неправославии?

Дело в том, что А.Ф.Лабзин, более всех других деятелей Российского Библейского Общества воспринявший идейное наследство Новикова, горячо уверовал в его идеал «внутренней Церкви», здание которой воздвигается в таинственной глубине сердца. Как и Новиков, он, по-видимому, не ощущал противоречия между этим идеалом и ортодоксальным вероучением. Всецело сосредоточенный на мистической стороне христианства, Лабзин игнорировал те трудности, которые неизбежно возникали при попытке согласовать его религиозные устремления с эмпирической реальностью Церкви. Это приводило к неизбежным расхождениям с традиционной догматикой. Кроме того, остроту конфликта усиливали свойственные Лабзину авторитаризм и претензии на роль духовного учителя[51]. Ситуацию ярко охарактеризовал историк Б.М.Модзалевский: «Лабзин, как и все вообще мистики, стремился, всеми

---

[4]А.И. Герцен дает всем этим событиям следующую оценку: «Лабзин был мистик и издатель «Сионского вестника; сам Александр был такой же мистик, но с падением министерства Голицына отдал головой Аракчееву своих прежних «братии о Христе и о внутреннем человеке». - А.И. Герцен. Указ. соч. С.71, 72.

[50] Модзалевский Б.М. Указ. соч. С. 4.

[51] Даже друзья и единомышленники Лабзина отмечали его самолюбие, пылкость и нетерпимость. «Он предавался человеку весь, но зато требовал и себе всего человека» - вспоминает друг Лабзина в годы ссылки в Симбирске М.А.Дмитриев. - Модзалевский Б.М. Указ. соч. С. 10.

силами души и вполне искренно, к раскрытию истинного значения христианства;., удовлетворения этой потребности верующих людей нельзя было ожидать от тогдашнего духовенства, державшегося старых традиций и не шедшего навстречу внутренним запросам общества[52], но, в то же время, не хотевшего допустить, чтобы истолкованием религии занимались люди светские, в которых оно всегда готово было видеть сектантов и отступников от православия. Этим и объясняются гонения на Лабзина, в увлечении своем и дошедшего, быть может, до некоторых крайностей»[53].

Вывод Б.М.Модзалевского с замечательной точностью отражает одну из главных причин кризиса религиозного просветительства Лабзина и тесно связанного с ним Библейского Общества. Однако существовала, на наш взгляд, и другая сторона дела. Лабзину, Голицыну и другим активным членам РБО приходилось действовать в ином церковном окружении, чем Новикову и его сподвижникам. К началу XIX в. стараниями просвещенных русских иерархов[54] стал повышаться нравственный уровень и умственные запросы духовенства в столицах и в духовных академиях. Развивалось церковно-педагогическое дело; формировалась самостоятельная русская богословская школа[55], питавшаяся из совсем иных источников, чем Новиков и его молодые воспитанники, которые создавали духовный климат Александровского царствования. Мистицизм, распространенный среди элитарной прослойки русского общества первой четверти XIX века, был чужд не только синодально-консервативному духовенству, но и пробуждавшимся в то время живым силам Православной Церкви, благодаря которым постепенно поднималось на должную высоту, как богословское образование, так и

---

[52] Как тут не вспомнить слова преп.Серафима Саровского из «Беседы с Мотовиловым о цели христианской жизни» о том, что ни одна из «великих духовных особ», к которым обращался собеседник преподобного, не смогла дать удовлетворительный ответ на его вопросы!

[53] Там же.

[54] Среди них были упоминавшиеся нами митр. Платон Левшин и Амвросий (Подобедов), а также покровитель Новикова митр. Гавриил (Петров) (1730-1801). О нем см. ссылку ниже.

[55] Митр. Платон заложил основу библейской герменевтики и экзегезы, а в начале XIX столетия стала восходить яркая звезда на небосклоне русской библеистики и богословия - Филарет Дроздов.

духовная жизнь в монастырях (традиция Паисия Величковского)[56]. Подчас выдающиеся представители Православной Церкви поддерживали светских филантропов и просветителей: митр. Платон (Левшин) сочувствовал Новикову, архим. Филарет (Дроздов) активнейшим образом участвовал в работе Библейского Общества. Не случайно самыми заинтересованными читателями религиозно-философского журнала Н.И.Новикова «Утренний свет» и «Сионского вестника» Лабзина были духовные лица[57]. Церковные деятели, подобные им, поддерживали все ценное, что видели в духовных поисках и нравственно добротных начинаниях своих современников. Тем не менее, рано или поздно два различных пути должны были разойтись.

Примером здесь может служить личность одного из членов Библейского Общества епископа Михаила (Десницкого) (1761-1824), впоследствии Петербургского митрополита. В молодости, которая выпала на 80-е гг. XVIII в., он, подобно Лабзину, был учеником новиковской «Педагогической семинарии» и одновременно посещал лекции в Московском Университете. От мартинистов будущий епископ воспринял наклонность к мистицизму, «стремление к распространению просвещения и благотворительности»[58]. Таким образом, принадлежа к поколению «птенцов гнезда» Новикова, епископ Михаил был воспитан на тех же идеалах, что и будущие «мистики Александровых времен» -идеалах внутренней духовной жизни, нравственного совершенствования и практической помощи людям. Неудивительно поэтому, что, активно включившись в работу

---

[56] Конечно, как и любое обобщение, этот тезис нуждается в оговорках и дополнениях, которые мы не имеем возможности здесь привести. Лишь один пример: митр. Филарет (Дроздов) ценил таких мистических авторов, как Юнг-Штиллинг и Сведенборг, хотя принимал далеко не все их воззрения.

[57] Замечательно, что первым подписчиком новиковского журнала был Петербургский митрополит Гавриил (Петров) - благочестивый монах и аскет, не чуждый в то же время широких литературных и философских интересов. Высокая светская культура сочеталась у него с подлинной духовной настроенностью. Именно этот иерарх опубликовал в 90-х гг. XVIII в. первое русское Добротолюбие, на основе версии Паисия Величковского. Таким образом, имя преосв. Гавриила оказывается связанным одновременно с двумя мощными духовными течениями эпохи - с просветительским движением Новикова и с уникальной традицией старчества, идущей от Драгомирнского братства к Оптиной пустыни

[58] Новый энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. Т.26. С.728.

Библейского Общества[59], он, по-видимому, искренно приветствовал вначале идеологическую политику А.Н.Голицына и его ближайших сподвижников. Однако в 1824г., за несколько недель до смерти, владыка Михаил написал Александру I письмо, в котором предупреждал императора об опасности религиозных воззрений Голицына для Церкви. Эта перемена в умонастроении епископа показательна. Очевидно, для еп. Михаила, «человека теплого благочестия и мистического склада»[60], не все было приемлемо в атмосфере того самого «Александровского мистицизма», который усиленно насаждался в Библейском Обществе Голицыным и Лабзиным.

Насколько далеко в действительности могла завести религиозность Голицына и его единомышленников, мы можем судить по тому факту, что он, также как и Лабзин, посещал известную в то время секту Е.Ф.Татариновой[61] - т.н. «духовный союз», в котором практиковались «радения» наподобие хлыстовских. Сама основательница секты не отрицала Церковь и благодать таинств, считая себя пророчицей, призванной возродить харизматический дух апостольских времен. Но фанатизм некоторых членов кружка Татариновой вселял тревогу даже сравнительно терпимым людям. Разгром кружка произошел уже при Николае I, когда полиции стало известно, что один из его членов -бывший секретарь Библейского общества (з1с!) В.М.Попов - насильно принуждал свою дочь ходить на собрания секты, подвергая ее побоям и истязаниям. Между тем, задолго до этого события, когда Александр I поручил своему фавориту Голицыну посетить собрание кружка Татариновой и вынести свое заключение о нем, всесильный министр счел «духовный союз» не только не опасным, но и вполне положительным явлением, отметив трогательное благочестие его

---

[59] Наряду с другими православными иерархами, епископ Михаил занимал должность вице-президента.

[60] Флоровский Г. Указ. соч. С. 152.

[61] Екатерина Филипповна Татаринова (урожд. Буксгевден) (1783-1856) перешла в 1817 г. из лютеранства в православие; почувствовала себе наделенной пророческим даром. В ее окружении были генерал Е.Головин, художник В. Боровиковский.

приверженцев. Что же касается Лабзина, то он, наряду с В.М.Поповым, являлся одним из почитателей Е.Ф.Татариновой.

Явления, подобные секте Татариновой, составляли «темную» сторону в духовной атмосфере эпохи Российского Библейского Общества. Безусловно, они не могли вызыватьвосторга даже у таких широких и религиозно чутких людей, как митрополит Михаил; тем паче - у иерархов более традиционного склада. Так, члены РБО митр. Серафим (Глаголевский) и митр. Филарет (Амфитеатров) стали в конце концов противниками библейского дела в целом и «русской Библии» в частности[62]. Архимандрит (впоследствии епископ) Иннокентий (Смирнов)[63], принимавший участие в переводческой работе Общества и в целом одобрявший ее, по личному прошению А.Н.Голицына на Высочайшее имя был отправлен в ссылку - за публикацию книги, содержавшей критику идей Лабзина и «Сионского вестника»[64]. Еще раньше митрополит Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов), не поладивший с Голицыным, был смещен со своей кафедры - первенствующей епархии в Православной Российской Церкви... Подобные авторитарные меры президента РБО, вообще дидактический тон, свойственный корифеям библейского дела в России, лишь обострял взаимную неприязнь между оппонентами. Энтузиазм вдохновителей Общества, очень помогавший делу, тем не менее, часто оборачивался

---

[62] Характерна в этом смысле личность последнего. Митр. Филарет (Амфитеатров) (1779-1857), истово благочестивый иерарх, обладавший, по свидетельствам современников, необыкновенной добротой, в своей преподавательской деятельности постоянно руководствовался Св. Писанием (он вел курс герменевтики в Московской Духовной Академии, где занимал пост ректора). В начале митр. Филарет поддерживал идею перевода Св. Писания на русский язык. Однако, будучи поборником строго православного духа толкований Библии, владыка Филарет, видимо, отшатнулся от побочных мистических веяний, сопровождавших деятельность РБО. Впоследствии (50-е гг. XIX в.) он стал главным оппонентом своего соименника митр. Филарета (Дроздова) в деле «русской Библии», однако даже в это время с «глубокой скорбью» вспоминал о сожжении в 1826 г. экземпляров Пятикнижия, переведенных Библейским Обществом. - Мень А. Указ. соч. Т.3. С. 317. О жизни и личности владыки Филарета см.: Сергий (Васильевский), архим. Высокопреосв. Филарет, митр. Киевский и Галицкий, и его время. Казань, 1888.

[63] Фигура архимандрита Фотия (Спасского) (1792-1838) занимает здесь особое место. Будучи фанатичным врагом РБО, сам Фотий, по словам прот. Георгия Флоровского, являлся человеком «того же психического склада, что и его противники». И действительно, этот экстатик и апокалиптик, исполненный мрачного сознания своей миссии в деле разрушения «мистических и прочих зловредных происков», по своему типу очень напоминает ту же Е.Ф. Татаринову с ее «пророчествами» и «апостольством».

[64] Об этом см.: Флоровский Г. Указ. соч. С. 150-151.

навязыванием личных религиозных взглядов, что облегчалось высоким положением А.Н.Голицына и благосклонностью императора к Библейскому Обществу.

Таким образом, «административная навязчивость библейских предприятий»[65]становилась частью государственной политики. «Свободное обсуждение библейского дела не входило в виды тогдашнего правительства, - пишет прот. Г.Флоровский. - И оно само было виновато, если у многих создавалось впечатление, будто под покровом санкций, административных, цензурных и полицейских, правительством подготовляется какой-то сверх-конфессионалъный переворот, на который согласие будет также вымогаться и вынуждаться. Редкие попытки критически высказаться встречали столь бурное противодействие властей, что подозрения могли только сгущаться»[66]. В результате принципиальные противники Российского Библейского Общества вынуждены были приспосабливаться к политике власти, до поры до времени скрывая свои истинные взгляды[67]. Умеренные же критики, даже из числа самих членов РБО, становились жертвами собственных выступлений против тех негативных явлений, которые они видели в деятельности Голицына и его соратников, задававших генеральное направление в работе Общества.

Между тем, в начале 1820-х гг., как известно, все ощутимее сказывалось влияние на императора графа А.А.Аракчеева - главного противника А.Н.Голицына. По мере нарастания оппозиции при дворе и усиления недовольства политикой А.Н.Голицына в самом Библейском Обществе, положение недавнего фаворита Александра I становилось все более шатким. Назревал неизбежный кризис. К началу 1823 г. Российское Библейское Общество опубликовало Библию на 41 языке, причем на 14-ти из них Священное Писание вышло впервые. Общее число экземпляров Библии составляло 184851, Нового Завета - 315928, отдельных библейских

[65] Флоровский Г, Указ. соч. С. 150.

[66] Там же.

[67] Яркие примеры здесь - митр. Серафим и будущий самодержец, великий князь Николай Павлович, которые и совершили формальный акт закрытия РБО.

книг 204052; всего получалось 704831 экземпляров. Издания Общества распространялись не только в Российской империи, но и за ее пределами: отпечатанные книги посылали в Константинополь, Венецию, Малую Азию. В течение всего 1824 г.выходил ежемесячный журнал РБО «Известия о действиях и успехах Библейских обществ в России и других государствах». Едва ли кто-то мог предположить, что это были последние закатные дни широкомасштабной деятельности Общества.

Вскоре политический климат в высших петербургских кругах окончательно изменился. 15 мая 1824 г. под напором своих недругов пал А.Н.Голицын. Он был уволен одновременно от двух занимаемых должностей - министра духовных дел и народного просвещения и президента Российского Библейского Общества. На место А.Н.Голицына были назначены ключевые фигуры разыгранной против Общества интриги: министром народного просвещения стал адмирал Шишков, а президентом РБО - митр. Серафим (Глаголевский). К тому времени непримиримый враг библейского дела в России, митр. Серафим, встав во главе ненавистного ему детища Голицына, тут же представил Александру I доклад о вреде Общества и необходимости его закрытия. Император, сохранявший прежние убеждения относительно библейской деятельности и симпатии к своему бывшему фавориту[68], тем не менее, не нашел в себе сил сопротивляться давлению противников РБО. Возможно, это было связано с тем, что, как представлялось Александру, в лице митр. Серафима деятельность Общества осуждает вся церковная иерархия [69].

Так или иначе, деятельность РБО стремительно сворачивалась. В октябре 1824 г. прекратилось издание журнала Общества; его отделения и

---

[68] Известно, что даже после отставки А.Н.Голицына Александр I не отдалил его от себя и даже доверил ему тайну престолонаследия, в которую был посвящен узкий круг лиц.

[69] В этом духе царя особенно убеждал Юрьевский архмандрит Фотий - сам типичный представитель темного и противоречивого мистицизма, экстатик и визионер, быть может, именно этими своими чертами привлекавший Александра I и заставлявший его прислушиваться к своим «вещаниям» и «пророчествам».

филиалы один за другим закрывались. Русский перевод Пятикнижия, уже подготовленный к печати, не был выпущен свет; объявлялось, что он должен быть издан в составе полного пятитомного издания Библии. Однако выход первого тома в ноябре 1825 г. был приостановлен, а весь тираж Пятикнижия на русском языке по настоянию адмирала Шишкова сожгли (!) на кирпичном заводе Александре-Невской лавры.

Вступив на престол, Николай I завершил процесс ликвидации Российского Библейского Общества, начатый при его венценосном брате. 12 апреля 1826 г. последовал указ, предписывавший остановить всю работу Общества, закрыть его комитеты, отделения и сотоварищества (к тому времени их насчитывалось до 289). Наличное имущество РБО (книги, типографские принадлежности, капитал и дома, подаренные ему Александром I) поступило в ведение Св. Синода. Единственным уцелевшим осколком некогда разветвленного Российского Библейского Общество стало Евангелическое Библейское Общество, образованное из провинциальных комитетов РБО по инициативе графа Ливена. Задачей этого нового общества являлось распространение Св. Писания среди протестантов Российской империи. Очевидно, такая деятельность казалась правительству безвредной для первенствующей конфессии и государственных устоев страны.

Позже известные иерархи Православной Церкви, много сделавшие для духовного просвещения и распространения евангельского благовестия в России, расценивали уничтожение Российского Библейского Общества как результат недостойных инсинуаций и закулисных интриг. Так, митр. Филарет (Дроздов) охарактеризовал закрытие РБО следующим образом: «Думаю, что восстание против министра духовных дел (А.Н.Голицына - Г.В.)... Библейского Общества и перевода священных книг образовали люди, водимые личными выгодами, которые, чтобы увлечь за собою других благонамеренных, употребляли не только изысканные и

преувеличенные подозрения, но и выдумки и клеветы»[70]. Знаменитый проповедник, автор первого в России опыта художественного переложения Евангелия архиеп. Херсонский Иннокентий (Борисов) (1800-1857), писал: «Библейское Общество было в России. Почему? Потому что оно казалось делом добрым и полезным. Кому казалось таким? Александру Благословенному, всем лучшим людям того времени, самым тем, кои впоследствии сделались его противниками и уничтожителями. Ужели все ошибались, столько лет признавая его полезным и содействуя ему? И однакоже ... общество закрыто и уничтожено... признано не только бесполезным, но и вредным для России. На чем же основано это заключение? Теперь этого... никто сказать не может... Случай, или, лучше сказать, провидение сохранило для нас записки одного лица, которое было во главе... клеветников на это истинно-христианское учреждение. Что же мы видим из них? Что все нападки на общество были следствием не убеждения, хотя бы и ошибочного, а личностей и интриги»[71].

Последнее заключение, как мы уже имели возможность убедиться, не совсем верно. Искренность убеждений митр. Серафима (Глаголевского)[72] или архимандрита Фотия (не говоря уже о митр. Михаиле Десницком) едва ли подлежит сомнению: они ратовали за закрытие общества еще при жизни благоволившего к нему монарха. Но подобная оценка дела, прозвучавшая из уст двух выдающихся деятелей Русской

---

[70] Мень А. Указ. соч. С. 56. Проверить по Бычкову и Чистовичу.

[71] Новый энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А.Брокгауза, И.А.Ефрона. Т.6. С. 418, 419

[72] Действия митр. Серафима И.А.Чистович оценивает следующим образом: «Вступив в борьбу с [Библейским] Обществом... не имея достаточно светолсти в понятиях и силы воли, чтобы отделить вредные элементы от полезных и благотворных, м.Серафим развил эту борьбу до крайности, отказавшись и от того, что прежде сам находил полезным». Парадоксально, но этот иерарх, так же как и Михаил (Десницкий), был когда-то воспитанником Новиковской семинарии! В связи с этим исследователь приводит интересную характеристику личности Серафима, данную биографом митр. Московского Филарета- Н.В. Сушковым: «Он как бы подавил в себе пытливость, столь общую лучшим питомцам «Дружеского Общества», которые влеклись духом ко всему таинственному, загадочному, сверхъестественному». В целом И.А.Чистович, со слов знавших митр. Серафима, говорит о нем как о человеке «далеко не бездарном», но больше всего любившем покой. - Чистович И.А. Указ. соч. С. 65.

Церкви, сама по себе показательна. По меткому выражению владыки Филарета (Дроздова), закрытие РБО явилось «обратным ходом ко временам схоластическим». И действительно, замирание религиозного просветительства при Николае I, для которого православие было средством укрепления «самодержавия» и «народности», свидетельствовало о том, что новый монарх (готов терпеть) лишь те формы духовной жизни, которые вписываются в «синодальную» систему государственно-церковной «симфонии»...[73]

Подводя итоги, следует сказать о наиболее важных особенностях РБО и последствиях деятельности. Прежде всего, Российское Библейское Общество удовлетворило насущную потребность россиян в понятном для всех тексте Св. Писания, совершив тем самым важнейшее дело для религиозного просвещения и духовной жизни страны. Многие жители империи смогли иметь на руках текст Библии. Думается, именно с этого времени можно говорить о распространении в России традиции домашнего чтения Св. Писания.[74]Далее, Библейское Общество явилось фактором приобщения России к западноевропейской духовной культуре. Это требует уточнения. Обогатив духовную жизнь страны некоторыми элементами, свойственными западному христианству, РБО внесло в них существенные коррективы, связанные с процессом укоренения на почве русской религиозной традиции. Суть этого процесса состояла в следующем. Яркие особенности идеологии Общества, такие как веротерпимость, экуменизм и упомянутый

---

[73] Об этом см.: Фирсов С.Л. Религиозная политика и народное благочестие в России (1825-1861) // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. №1 (30). М., 2005. С. 200-204.

[74] Когда именно и в какой мере эта традиция привилась, судить сложно, поскольку статистика подобных явлений с трудом поддается учету. Автору неизвестны специальные исследования по этой теме. Однако можно привести любопытные факты. В знаменитом произведении русской аскетики XIX столетия«Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» путь главного героя начинается с поразившихего апостольских слов - *услышанных в церкви*, а не прочитанных, несмотря на то, что «странник» имеет на руках церковнославянский текст Библии. Этот традиционный сюжет восточной монашеской традиции (ср. аналогичный рассказ об обращении св. Антония Великого), воспринятый в России, косвенно показывает,

выше навык самостоятельного чтения и изучения Св.Писания, формировались под влиянием протестантизма, в лоне которого создавались библейские общества Западной Европы. Однако там эти характерные черты библейского движения «работали» исключительно в рамках протестантских деноминаций, не распространяясь на более консервативный католический мир (как мы помним, предстоятели Римско-Католической Церкви неоднократно выражали самую негативную оценку библейского движения). Поэтому, скажем, «интерконфессионализм» западноевропейских библейских обществ означал на самом деле не более чем сотрудничество между представителями разных ветвей протестантизма в рамках тех же обществ - в той мере, в какой этого требовала их совместная деятельность. Российское же Общество, самое «пестрое» по конфессиональному составу, стало также наиболее «экуменическим» по своей идеологии. Открытость Общества ко всем христианским исповеданиям была обусловлена как личными взглядами его основателей, так и специфическими особенностями существования в России. С самого начала Петербургское Библейское Общество наладило контакты со всеми инославныгми христианами страны (включая католиков [75]), для которых оно и было создано. Позже, когда РБО распространило деятельность на православное население империи и привлекло к своей работе представителей господствующей Церкви, сотрудничество со всеми конфессиями стало необходимым. Оно подразумевалось новым статусом и задачами Общества. Свою роль сыграли здесь и грандиозные планы президента Общества А.Н.Голицына, для которого библейское движение было, кроме прочего, своеобразным экуменическим экспериментом, готовившим будущее объединение христиан. Конечно, мечты А.Н.Голицына можно назвать утопичными, но именно они подогревали энтузиазм главных вдохновителей Общества.

[75] Последнее облегчалось самостоятельной позицией, которую, благодаря правительственной политике, занимал глава российских католиков Сестренцевич-Богуш по отношению к своему священноначалию.

Что же касается возможности чтения Библии вне церковных стен, которую открыло перед многими жителями России Библейское Общество, то и здесь огромное значение имел тот факт, что Обществу удалось в течение долгого времени сотрудничать с Православной Российской Церковью. Сами переводчики РБО принадлежали к просвещенному академическому духовенству. Благодаря усилиям таких выдающихся церковных деятелей, как архим. Филарет (Дроздов) и прот. Герасим Павский - горячих сторонников перевода Библии на русский язык - «внебогослужебное» чтение Св.Писания, к тому же на русском языке, переставало казаться немыслимым. Это тем более впечатляет, что русский язык многим представлялся слишком обыденным, неподходящим для передачи высокого смысла Писания; он был лишен тех сакральных черт, какими обладал в сознании православных верующих язык церковнославянский[76]. И хотя вплоть
до появления официально одобренного Церковью «синодального» перевода (через пятьдесят лет после РБО) идея «русской Библии» и навык ее чтения встречали постоянное непонимание и сопротивление[77], начало было положено. Таким образом, произошло укоренение привнесенной извне традиции на российской почве, причем главным фактором этого процесса стала в конечном счете Православная Церковь.

Следующей важнейшей особенностью Российского Библейского Общества необходимо назвать громадную роль власти в его создании. В

---

[76] Некоторые противники перевода выступали даже за придание церковнославянской Библии статуса канонического текста Писания для Русской Церкви, подобно тому, как это сделала с Вульгатой Римско-Католическая Церковь. В итоге эта идея была отвергнута, но само ее появление показательно.Существовали, впрочем, и примеры обратного отношения к «русской Библии». Великий русский святой [76]Серафим Саровский (1759-1832), как известно, прочитывавший весь Новый Завет в течение каждой недели (конечно, по-церковнославянски), благословил алтайского миссионера архимандрита Макария (Глухарева).

[77] Стоит вспомнить рассказ Лескова «Однодум», где героя обвиняют в том, что он «до Христа дочитался».Что касается «русской Библии», то даже в годы создания синодального текста ее противником был замечательный подвижник и духовный писатель Русской Церкви - св. Феофан Затворник. Подобно Шишкову, он предлагал даже сжечь тираж русского перевода Писания, вдохновленного другим выдающийся иерархом - митр. Филаретом Московским. Это безмолвное противостояние двух российских церковных светил, (впоследствии канонизированных), показывает различные полюса, существовавшие в обществе, которые не всегда можно интерпретировать лишь как борьбу просвещения с «мракобесием».

этом смысле РБО уникально: ни одно из религиозно-просветительских обществ России XIX столетия не пользовалось такой широкой поддержкой правительства. Эта поддержка осуществлялась на всех уровнях, начиная с государственной политики в области идеологии (монарх -почетный член Общества, глава важнейшего министерства - его президент) и кончая материальной стороной дела (крупные финансовые вложения). В XIX столетии РБО представляет собой единственный в нашей стране пример плодотворного сотрудничества высшей государственной власти, общества и Церкви. Инициатива создания РБО, принадлежавшая западноевропейским миссионерам, была подхвачена в высших эшелонах власти, а затем поддержана и развита самим населением. Конечно, участие в деятельности РБО государственных чиновников было отчасти вынужденным; широкий общественный резонанс библейского дела в России создавался правительственной политикой. Однако в конце концов светским и церковным противникам РБО удалось вынудить власть ликвидировать Библейское Общество. Это подтверждает, что в истории РБО имело место взаимовлияние между всеми тремя силами, участвовавшими в его становлении государственной властью, светским обществом и Православной Церковью.

Наконец, последний вывод нашего исследования касается общего характера религиозно-просветительской деятельности Российского Библейского Общества. Оно стало ярким выразителем духа своего времени - эпохи царствования Александра I, пропитанной мистицизмом и религиозными исканиями. Духовные поиски находили себе выражение в самых разных (порой темных и эклектичных) течениях и культах; некоторые из них были близки активным деятелям Библейского Общества. Тем не менее, религиозный энтузиазм сыграл весьма положительную роль в созидании духа РБО, вдохновляя работу его членов и не давая Обществу превратиться в исключительно официальное учреждение, деятельность которого направляется «сверху». И хотя «стиль» работы РБО, несколько экзальтированный, иногда даже отдававший фанатизмом, вызывал справедливые нарекания у самих членов

Общества, он все же не мешал им плодотворно трудиться ради главной цели - распространения в России евангельского благовестил.

Деятельность Российского Библейского Общества имела далеко идущие последствия. Упомянем лишь о самом основном. Труды РБО заложили основу для дальнейшего совершенствования русского текста Св.Писания, и это едва ли менее существенно, чем сам факт перевода. Полвека спустя, опираясь на достигнутое Библейским Обществом, Русская Церковь создала знаменитый «синодальный» перевод всей Библии, ставший классическим для христиан нашей страны[78]. «Синодальный» извод Св.Писания не только влил новую струю в религиозную жизнь России, но и оказал влияние на русскую культуру в целом. В этом также проявилось отдаленное эхо Библейского Общества и героических одиночек, продолжавших работать над русским переводом Библии в неблагоприятных условиях царствования Николая I.

Пользуясь богословской терминологией, можно сказать, что деятельность Российского Библейского Общества прошла «рецепцию» Церкви. В эпоху великих реформ, когда стало возможным продолжить дело РБО, все положительное в нем было взято на вооружение, а сомнительные с духовной точки зрения явления, сопутствовавшие Обществу (ложный мистицизм и тяготение к сектантству) - отброшены.

Положение Российского Библейского Общества среди всех других религиозно-просветительских объединений России уникально. Будучи порождением эпохи Александра I, РБО оказалось своеобразным «мостом», перекинутым от просветительского движения Н.И.Новикова к духовным обществам 60-х - 90-х годов XIX столетия[79]. Таким образом, можно

---

[78] Это особенно ярко проявилось в деятельности Филарета Московского. Активнейший член РБО, переводчик Евангелия, Филарет воспринял идею «русской Библии» как свое заветное желание. Через тридцать лет, будучи уже прославленным иерархом Русской Церкви, он вновь поднял знамя, выпавшее из рук Библейского Общества и добился завершения грандиозного труда по переводу Св.Писания на русский язык.

[79] Многие из них были инициированы тем же митр. Филаретом. Мы уже не говорим о Евангелическом Библейском Обществе, продолжавшем распространять Св.Писание среди российских протестантов в царствование Николая I.

утверждать, что в истории русского религиозного просветительства последней трети XVIII - XIX вв. Библейское Общество занимает центральное место.